

Цзин У наклонился и вытащил из-под подушки Юэ Цзиньтаня золотую чешуйку. Он специально спрятал ее здесь, почуяв неладное. Эта находка доказывала: он действительно вернулся в номер 706, и все случившееся не было плодом его воображения.

Краем глаза Цзин У заметил книгу. Она мирно лежала на прикроватной тумбочке. Алая обложка напоминала лужицу запекшейся крови, а выведенные на ней черные иероглифы названия — «Книга кошмаров» — казались зловещими печатями, удерживающими рвущийся наружу ужас.

Цзин У задумался. Похоже, эта книга была намертво привязана к номерам на седьмом этаже и могла свободно перемещаться между ними.

— Что... что ты делаешь? — Юэ Цзиньтань почувствовал на своем лице и шее горячее дыхание Цзин У. Мочки его ушей мгновенно вспыхнули пунцовым, словно их обдало жаром.

— Какой стеснительный. Наверняка ведь еще девственник, — Цзин У подцепил пальцем подбородок Юэ Цзиньтаня. Его ладонь бесстыдно скользнула вниз, очертив кадык, и легла на грудь, дразняще поглаживая ее сквозь ткань.

— Бабушка как раз любит таких неопытных воробышков!

Цзин У продолжал искоса наблюдать за тумбочкой. Книга кошмаров явно пришла в неописуемый восторг: обложка приоткрылась, послышался едва различимый шорох — невидимое перо спешно выводило на страницах строчку за строчкой.

Цзин У склонился к самому уху застывшего, напрягшегося всем телом Юэ Цзиньтаня, который уже готов был дать отпор, и прошептал:

— Как думаешь, если в книге будет слишком много пошлого контента, ее забанят навсегда за непристойность?

Юэ Цзиньтань опешил. Наконец он и сам заметил приоткрывшуюся книгу, шуршащую страницами все быстрее и быстрее, словно стенографистка на важном допросе. Оказывается, этот тип не просто распускал руки — он прощупывал возможности чертовой книги!

Но стоило Юэ Цзиньтаню задуматься, как Цзин У, секунду назад говоривший с самым деловым видом, бесцеремонно запустил руку ему под край футболки, прямо к пояснице. А в следующий миг и вовсе принялся стягивать с него одежду!

— погоди! — Юэ Цзиньтань резко пришел в себя. Какая еще непристойность? В комнате только они двое, неужели этот безумец решил устроить с ним непотребство прямо здесь?! Сгорая от смущения, Юэ Цзиньтань мертвой хваткой вцепился в запястье Цзин У: — Прекрати.

Цзин У навалился на него всем телом, прижимая к матрасу:

— И не подумаю, хи-хи! Ну же, смелей, сладенький! Бабуля покажет тебе, что такое истинное блаженство!

Цзин У, давно пускавший слюни на привлекательного постояльца, окончательно растерял всякий стыд. Чем отчаяннее сопротивлялся Юэ Цзиньтань, тем больше заводился этот наглец. Они сплелись в клубок и яростно возились на постели, точно пара извивающихся червей.

«Книга кошмаров» разделяла их пыл. Шорох невидимого пера перерос в бешеное шуршание — словно невидимый вуайерист захлеб конспектировал прямую трансляцию. Едва заканчивалась одна страница, как она с треском переворачивалась, уступая место следующей, потом еще одной, и еще!

Терпение Юэ Цзиньтаня лопнуло. Кем бы ни был его преследователь — немощной старухой или молодым извращенцем-отельером, — у него не было ни малейшего желания участвовать в этом балагане. Зажмурившись от злости, он резко выдохнул, напряг мышцы и изо всех сил оттолкнул нападавшего.

К его удивлению, Цзин У даже не подумал сопротивляться. От толчка он легко покатился по кровати, перевалился через край и с глухим стуком шмякнулся на пол.

— Ой-ёй-ёй! Мои старые косточки! Убивают, средь бела дня убивают!.. — запричитал Цзин У, распластавшись на ковре без движения.

«Черт бы тебя побрал! Ты же не дряхлый старик, какого хрена ты разлегся на полу и вымогаешь жалость?!»

— Ах, мое бедное сердце сейчас разорвется! Как больно! Дышать... дышать не могу! — Цзин У завывал так истошно и карикатурно, что ни о каком приличии и речи не шло. Видя, что Юэ Цзиньтань не двигается с места, он перешел к моральному шантажу: — Эх, нынешняя молодежь... Никакого уважения к старости! Даже руку протянуть несчастной женщине не могут!

Юэ Цзиньтань устало прикрыл глаза.

«Зачем я вообще пришел в этот отель один? Надо было оставить Тан Чжэня и остальных при себе. Пусть они слабы, но при свидетелях этот бесстыдник вел бы себя хоть капельку скромнее...»

— О-о-о-о-ой! Как болит, как болит! Моя поясница-а-а!

«Хотя кого я обманываю? У него же напрочь отсутствует стыд. Свидетели его бы только

раззадорили. Да вон, один зритель уже вовсю строчит в углу, а у этого актера погорелого театра только кураж проснулся».

Истошные вопли окончательно извели Юэ Цзиньтаня. Не выдержав, он со вздохом поднялся и, смирившись с судьбой, пошел поднимать симулянта.

Едва Юэ Цзиньтань потянул «старушку» за руку, та послушно поднялась и тут же всем весом навалилась на его грудь. С гаденьким смешком: «Хе-хе-хе...» — шаловливые ладони Цзин У снова потянулись прощупывать чужой рельеф.

Юэ Цзиньтань застыл.

«Кто бы сомневался».

Он даже не стал особо вырываться — просто перехватил запястья Цзин У и холодно предупредил:

— Бабушка, имейте совесть. Не забывайте о приличиях.

— Помереть в объятиях красавца — лучшая смерть для грешника!

Пока Цзин У строил Юэ Цзиньтаню томные глазки, пытаясь изобразить страсть, его взгляд украдкой следил за «Книгой кошмаров».

Он ведь не случайно упал именно в ту сторону, где стояла тумбочка с проклятым фолиантом. И теперь, повиснув на Юэ Цзиньтане, он оказался прямо над открытыми страницами.

Цзин У прекрасно помнил, как в прошлом сне книга уворачивалась и перемещалась сама по себе. Поймать ее силой было слишком сложно, поэтому оставался лишь один путь — вывести ее секреты и слабости, заглядывая в текст при любом удобном случае.

Он успел разглядеть кровавые строчки. Почерк был небрежным, но изящным, с мягкими округлыми росчерками, выдававшими руку женщины. Должно быть, рукопись принадлежала перу какой-то писательницы.

Когда Цзин У сам сочинял историю за столом, он писал собственным почерком и не подозревал, что у фолианта есть собственное сознание. Оказалось, книга не просто разумна — этот дух обожал пикантные сплетни и грязные подробности.

С близкого расстояния Цзин У без труда разобрал свежие строки. На бумаге с дотошной точностью фиксировалась вся та чушь, которую он только что нес, и каждое его поползновение. Последней значилась фраза о «смерти в объятиях красавца». Книга

действительно вела безупречный репортаж с места событий в реальном времени.

Цзин У внезапно толкнул Юэ Цзиньтаня обратно на кровать и навис над ним с победным кличем:

— Хе-хе-хе, голубчик! От бабули еще никто не уходил!

Юэ Цзиньтань с каменным лицом попытался спихнуть его, но Цзин У, едва шевеля губами, прошептал ему на самое ухо:

— Градус пошлости слишком мал, книга засыпает. Давай поддадим жару.

На губах Юэ Цзиньтаня вдруг заиграла понимающая улыбка:

— Что ж, давай.

«Ого, неужели этот упрямец наконец-то созрел и решил пожертвовать своим телом ради блага нашего отеля?»

Но не успел Цзин У обрадоваться, как Юэ Цзиньтань ловким движением перехватил инициативу, подмял его под себя и бесцельно вцепился в его одежду. Хотел погорячее? Ладно! Но с какого это перепугу раздеваться должен только он?

За свои двадцать пять лет Юэ Цзиньтань привык держать людей на вежливой, но непреодолимой дистанции. Одаренный невероятной силой, он казался коллегам недостижимым божеством, на которое боялись даже дышать. И надо же было какому-то наглomu мужику так беспардонно ворваться в его жизнь! Этот отельер оказался куда надоедливее любого призрака, которого Юэ Цзиньтаню доводилось изгонять в одиночку.

Поначалу застигнутый врасплох Юэ Цзиньтань растерялся и уступил инициативу. Но блестящий ум и железный характер быстро вернули его в строй. В конце концов, раз уж они играют в эту игру, то почему бы ему самому не занять ведущую роль?

На долю секунды лицо Цзин У одеревенело. Впрочем, он тут же справился с эмоциями и запричитал пуще прежнего:

— Ох, хорошо-то как! Бабуля обожает таких горячих жеребцов!

Но Юэ Цзиньтань, прижатый к нему почти вплотную, отчетливо уловил, как бешено заколотилось сердце собеседника и как предательски похолодела его кожа.

Юэ Цзиньтань тихо рассмеялся и шепнул ему на ухо с откровенной издевкой:

— А ты, оказывается, тоже еще нецелованный малец.

От его горячего дыхания у Цзин У мгновенно запылали уши, а румянец стремительно пополз вниз по шее. Юэ Цзиньтань остался доволен произведенным эффектом. Понятно все с этим озабоченным боссом — гораздо только языком чесать. Случись дело дойти до постели, еще неизвестно, кто из них окажется большим профаном.

— Да что ты понимаешь! — упрямо буркнул Цзин У, пятясь до последнего. — Я профессионал! Да я в любом элитном борделе вмиг стал бы лучшим из лучших!

— Да неужели? Ну так продемонстрируй класс, бабуля, — Юэ Цзиньтань вежливо улыбался, но мысленно матерился на чем свет стоит.

«Да когда ж ты уже заткнешься, шут гороховый! Тоже мне, элитный бренд. Скажи еще, что подрабатываешь по вызову!»

Цзин У словно прочитал его мысли:

— Истинная правда. Уж поверь, в курочке и уточке я толк знаю лучше всех.

— Вот как? И в каком же виде? Жареном или запеченном? В пиве или в маринаде? — Юэ Цзиньтань невольно вспомнил принесенную Цзин У рваную курицу, которая оказалась невероятно вкусной.

За время пребывания в отеле «Рай» Юэ Цзиньтань успел понять одну вещь: единственным живым человеком здесь был сам Цзин У. Все остальные — призраки. А призраки за редким исключением панически боятся огня. Логично, что кухovarить у плиты приходилось лично боссу.

— Впрочем, тут спорить не буду. Твоя фирменная рваная курочка — это нечто.

— Еще бы! Мои кулинарные таланты поистине безграничны! — Цзин У довольно задрал нос от похвалы, но быстро спохватился и вернулся к плану: — Но учти, в постельных утехах я силен ничуть не меньше!

В глазах Юэ Цзиньтаня блеснули смешинки.

— Что ж, яви чудо, бабуля.

С этими словами он резко выпрямился и ухватился за край своей футболки, задирая ее вверх.

Летняя одежда была легкой. Юэ Цзиньтань все еще носил черную футболку того юноши в бейсболке. Стоило ему приподнять ткань, как взору открылся безупречно сухой, подтянутый живот.

Шорох страниц у изголовья кровати стал совсем неистовым. Но Цзин У было уже не до книги. Все его внимание без остатка поглотило зрелище великолепного мужского тела.

Кожа Юэ Цзиньтаня была фарфорово-белой. В полумраке спальни на контрасте с черной тканью его торс казался сияющим, словно единственный источник света в темной бездне.

Эта белизна манила к себе, точно пламя свечи — глупых мотыльков. И Цзин У почувствовал себя именно таким похотливым мотыльком. Глядя на эту безупречную кожу, он шумно сглотнул скопившуюся слюну.

Линии его тела были безупречны: рельефные косые мышцы переходили в четкие очертания кубиков пресса. Тот самый редкий тип фигуры, когда в одежде человек выглядит стройным, а без нее — поражает мощным атлетическим сложением.

В потаенном уголке души Юэ Цзиньтаня что-то дрогнуло. Он медленно потянул край футболки еще выше, приоткрывая очертания крепких грудных мышц...

У Цзин У перехватило дыхание. Он заворуженно уставился на приоткрывшуюся плоть.

Кап... кап... кап...

Из ванной комнаты внезапно донесся отчетливый звук капающей воды.

Цзин У мгновенно опомнился. Резко отпихнув Юэ Цзиньтаня, он крикнул:

— Опасность! Бабуля защитит тебя!

И стрелой метнулся в сторону душевой.

Его щеки полыхали адским пламенем. Не будь на нем плотного слоя старушечьего грима, краска смущения выдала бы его с головой.

Глядя вслед убегающему боссу, уши которого все еще горели пунцовым цветом, Юэ Цзиньтань внезапно ощутил легкий укол разочарования.

Но сильнее всех, судя по всему, расстроилась «Книга кошмаров».

Шурх-шурх-шурх!

Страницы переворачивались с такой яростью, что Юэ Цзиньтаню послышался в этом звуке скрежет затачиваемых ножей.

Он тихонько усмехнулся и опустил край футболки. Пожалуй, ему и самому хотелось, чтобы эта сцена продлилась чуть дольше.

Цзин У захлопнул за собой дверь ванной, мысленно благодаря судьбу за то, что они находятся внутри хоррора.

«И винить в конфузе некого — только себя. Слишком много лет провел в режиме выживания, пролетая раунд за раунд и даже не помышляя об отношениях. В итоге языком чесать горазд, а как дошло до дела — опозорился!»

Цзин У потрогал горящие щеки и глубоко вздохнул, возвращая себе бесстрастный вид.

«Ничего, придет день — и я стану лучшим в этом деле!»

Сразу после возвращения в реальность он твердо вознамерился скачать гигабайты обучающих фильмов и основательно подтянуть матчасть.

Впрочем, личные переживания не мешали ему делать свою работу. Подойдя к раковине, он усталился на капающий сам по себе кран. Первой мыслью Цзин У было облегчение: как хорошо, что седьмой этаж не подключен к общему водоснабжению отеля. Иначе на этих призрачных фокусах с вечно текущей водой он бы живо разорился.

Между тем из крана медленно сочилась густая, вязкая багровая жижа. В этой кровавой струе отчетливо виднелись какие-то темные ошметки, чертовски похожие на куски внутренних органов.

Зрелище было омерзительным и жутким, но желудок Цзин У почему-то предательски отозвался голодным урчанием.

Внезапно макушки Цзин У коснулось что-то скользкое и холодное. Сверху на парик закапала густая влага, стекая по лбу на лицо. Он провел пальцами по щеке и поднес их к глазам — на коже остался густой красный след.

Цзин У медленно поднял голову. Все потолочное пространство было усеяно гроздьями свисающих окровавленных кишок. С них ручьями стекала теплая кровь, словно их

выпотрошили из чьего-то брюха буквально секунду назад.

Цзин У на мгновение застыл. Картина действительно поражала воображение. Багровые петли кишечника покачивались под потолком, напоминая виселичные веревки или зловещие саваны, зазывающие случайных путников в могилу.

Вдруг снизу раздался глухой стук: бум, бум, бум.

Он медленно перевел взгляд на тумбу под раковиной. Звук доносился из закрытого шкафчика. Но разве в такое крошечное пространство могло поместиться хоть какое-то живое существо?

Цзин У не шевелился, вглядываясь в дверцы и втягивая носом странный приторно-пряный запах, наполнивший ванную.

Скреже-ет, скреже-ет...

Неведомая тварь внутри заволновалась и принялась с удвоенной силой скрести ногтями по дереву, стремясь выбраться наружу.

Царап-царап, царап-царап!

Шум становился все громче. Казалось, за тонкими створками бьется целая орава существ с длинными острыми когтями, яростно рвущих обшивку, точно мертвецы в гробу.

«Что это, массовое восстание упырей?»

Цзин У шумно втянул воздух ноздрями и, словно под гипнозом, шагнул вперед. Стоило ему потянуть на себя ручку шкафчика, как наружу хлынул ворох шевелящихся обрубков рук, едва не вцепившихся ему в лицо.

Десятки бледных кистей хаотично прыгали по кафелю и расползались во все стороны, напоминая огромных слепых насекомых. Цзин У, затаив дыхание, снова сглотнул слюну — но вовсе не от ужаса.

Встревоженный шумом Юэ Цзиньтань заглянул в ванную. Увидев копошащийся на полу ковер из живых обрубков, он на секунду лишился дара речи.

Но Цзин У даже не повернул головы. Его внимание привлек другой звук.

Бульк... бульк...

Так бурлит болотная жижа, когда из нее поднимается чудовище, готовое утащить неосторожного путника на дно.

Цзин У резко отдернул занавеску душа. В белоснежной чугунной ванне плескалось настоящее море крови. В этой густой кипящей жиже весело бурлили и покачивались белые комочки мозгов, обрывки потрохов, свиные желудки, глазные яблоки и обрубки конечностей. Кровавое варево непрерывно исходило паром и крупными пузырями.

Цзин У заворуженно созерцал это безумие, окончательно потеряв связь с реальностью. Внезапно он почувствовал на себе чей-то тяжелый, буравящий взгляд. Вскинув голову к маленькому окошку ванной, он обомлел: сквозь стекло на него в упор уставилась огромная голова с застывшими, остекленевшими глазами.

Голова выглядела свирепой и жуткой, а ее разинутая пасть казалась способной проглотить взрослого человека целиком. Цзин У больше не мог сдерживаться — по его щекам покатились слезы.

Стоявший за спиной Юэ Цзиньтань покачал головой и искренне восхитился:

— Острый суп с кровью, утиные потроха, куриные лапки, основа для сычуаньского хого и копченая свиная голова... Ну ты и гений.

Цзин У, у которого слезы текли вперемишку со слюной, шумно втянул воздух:

— Хлюп... хлюп... О боже, это же сущий рай!

С самой первой секунды в этой комнате он едва держал себя в руках. Запах стоял настолько умопомрачительный, что Цзин У едва поборол дикое желание прыгнуть прямо в ванну и сожрать все подчистую.

— Эх, если б можно было залезть прямо туда и есть, не вставая... — мечтательно вздохнул он, глядя на колыхающиеся в бульоне свиные мозги и требуху.

Да, именно это он и описал в своей новой истории. Кровь, ужас, расчлененка и кишки — все строго по канону кошмаров.

Формальные требования соблюдены безупречно. Се Фэй просил отрубленные руки? Ну так никто же не уточнял, что они должны быть человеческими. Куриные лапки — тоже вполне себе лапы, никаких претензий!

А что до крови и кишок... Чтобы наполнить эту комнату утиной кровью и развесить под потолком столько метров кишок, пришлось пустить под нож целую птицеферму. Бедные утята! Про свинок и говорить нечего: отдать мозги, желудки, копыта, да еще и украсить окно

собственной головой — великая жертва ради искусства.

Цзин У прижал руку к ноющему от голода желудку. Ему ведь тоже приходилось несладко — бороться с таким искушением и пытаться сохранить лицо требовало нечеловеческих усилий.

— Все, не могу больше. Нужно выйти, иначе я сорвусь и съем этот реквизит.

Он поспешно выбежал из ванной, зажав рот ладонью, чтобы текущие слюни не разрушали зловещую атмосферу хоррора.

Юэ Цзиньтань шагнул в сторону, пропуская его, и не без иронии заметил:

— Надо же, при виде меня ты так не пускал слюни.

— Глупости говоришь. Без любви прожить можно, а вот без еды долго не протянешь, — парировал Цзин У. Перед лицом кулинарного шедевра вся привлекательность соседа мигом померкла, и босс отеля смотрел на него теперь абсолютно равнодушным взглядом.

В его голове крутилось лишь одно слово: хого, хого, хого. Хотелось поскорее выбраться из этого чертова наваждения и устроить пир на весь мир. Цзин У даже всерьез задумался, а не подыскать ли ему для отеля призрака какого-нибудь повара — мастера сычуаньской кухни. Тогда проблема с любимой острой едой решилась бы раз и навсегда.

Витая в облаках, Цзин У на автопилоте поднял руку и толкнул дверь, ведущую наружу. Он уже занес ногу над порогом, как вдруг Юэ Цзиньтань резко схватил его за плечо:

— Стой.

— А?

— Это мой номер, — произнес Юэ Цзиньтань, всматриваясь в открывшуюся картину.

Одно простое действие — и пространство вокруг переменялось. За порогом ванной теперь лежал номер 704, расположенный по соседству с 706. Планировка и мебель здесь были точно такими же, как и в любой стандартной двухместной комнате отеля.

Различались лишь картины на стенах. В номере 706 у Цзин У висел мирный пейзаж, тогда как в 704 красовался чей-то портрет. Изображена на нем была прекрасная незнакомка.

Раньше Юэ Цзиньтань не обращал внимания на этот холст, смутно помня лишь силуэт модно одетой дамы в черном платье. Но прямо сейчас они оба отчетливо увидели, как нарисованная

красавица изящно хлопнула ресницами.

Они перешагнули в историю Юэ Цзиньтаня.

Цзин У не имел представления, какой сюжет набросал его спутник. Но правила игры были ясны: в чужой сказке ориентироваться гораздо сложнее, ведь ты лишен главного преимущества — знания сценария.

Он не спешил выходить на середину комнаты, внимательно осматривая обстановку. «Книга кошмаров» преспокойно покоилась на прикроватной тумбочке Юэ Цзиньтаня — точно в таком же положении, как и в предыдущем номере.

Вот только здесь царил образцовый порядок: одеяло было сложено в идеальный армейский квадрат, выдавая педантичность хозяина. В 706-м же номере постель после их недавней возни напоминала измятый сушеный тофу.

Книга вроде бы не сдвинулась ни на миллиметр, но на самом деле они переместились в совершенно другое пространство. Цзин У мысленно восхитился способностями этого артефакта — заполнить его хотелось все сильнее.

Тем временем нарисованная модница на стене проявила недвусмысленный интерес к двум незванным гостям. Стоявшая до этого вполоборота женщина начала медленно разворачивать голову. Ее плечи оставались неподвижными, в то время как шея неестественно скручивалась, пока лицо не оказалось направлено прямо на них.

Цзин У невольно вздрогнул. Правая половина ее лица выглядела совершенно нормально, но левая была мертвенно-черной, словно ее залили тушью. И на этой угольной коже жутко выделялось круглое бельмо — глаз без зрачка, состоящий из одного лишь белка.

— Ну и талантище! — искренне восхитился Цзин У. — С таким шикарным бельмом тебе только уличной гадалкой работать, слепую изображать.

Юэ Цзиньтань не выдержал и негромко прыснул.

Казалось, от этих слов нарисованная дама помрачнела еще сильнее. Цзин У, не унимаясь, пальцами оттянул нижние веки и с силой закатил глаза вверх, оставив лишь узкие полоски зрачков.

— Доченька, бабуля ведь тоже немного ведает судьбой. Хочешь, предскажу будущее?

— И давно у тебя открылся этот дар? — поинтересовался Юэ Цзиньтань.

Цзин У вздохнул с видом человека, познавшего всю тяжесть бытия:

— Да в детстве баловался. Был у нас в деревне один слепой прорицатель, я все за ним повторял. Как-то раз так натурально прикинулся незрячим, что перепуганная родня собралась везти меня в городскую больницу. Когда обман раскрылся, мне так всыпали — до сих пор помню.

Ему тогда знатно досталось ремнем. Несколько дней он не мог спокойно сесть на стул — подпрыгивал как ошпаренный, а спать приходилось исключительно на животе. Стоило во сне неосторожно повернуться на бок, как от боли искры летели из глаз.

— Так вот, доченька, — Цзин У с важным видом принялся загибать пальцы, изображая сложные расчеты. — Вижу по звездам: ждет тебя страшное проклятие. Но не горюй! Всего за девятьсот девяносто восемь юаней бабушка отведет от тебя любую беду.

Нарисованная девица злобно оскалилась, ее взор наполнился чистой яростью. Эта старая карга вообще воображает, с кем разговаривает?! Неужели эти двое совсем ее не боятся?

Длинные черные локоны женщины внезапно ожили. Они начали стремительно расти, переваливаясь через деревянную рамку картины, и устремились к полу, расплзаясь густой жесткой паутиной, готовой опутать нарушителей покоя.

Цзин У озадаченно уставился на черные нити. Что-то они выглядели слишком толстыми и какими-то негнушимися. В этот момент Юэ Цзиньтань хладнокровно протянул руку, перехватил прядь и с сухим щелчком отломил от нее кусок. Отломил? Разве волосы могут быть хрупкими?

— На, угощайся. Горький шоколад.

В прошлом номере Цзин У побоялся попробовать аппетитное варено в раковине и ванне — брезгливость все же пересилила дикий голод. Но чистый шоколад прямо со стены? Почему бы и нет.

Он осторожно откусил кусочек. Действительно, классический горький шоколад с приятной текстурой. Юэ Цзиньтань тем временем явно вошел во вкус: он ломал одну прядь за другой, заставив призрака в ужасе отпрянуть и попытаться спрятать уцелевшую шевелюру.

Цзин У мысленно покачал головой. В каком-то смысле они идеально подходили друг другу. Превратить зловещий хоррор в шведский стол — на такое способны только истинные гурманы.

Несчастливая дама видела, что Юэ Цзиньтань подбирается все ближе. Прикончив волосы, он без лишних слов протянул руку к ее роскошному вечернему туалету. Пощупав ткань, парень деловито спросил Цзин У:

— Платье тоже шоколадное. Будешь?

Глядя, как перепуганный призрак судорожно прижимает руки к груди, боясь остаться без одежды и быть съеденной заживо, Цзин У почувствовал неожиданную жалость:

— Ладно тебе, оставь бедняжку в покое. Негоже даму догола раздевать.

Услышав это, призрак посмотрел на Цзин У с немым обожанием и благодарностью.

Юэ Цзиньтань на секунду задумался, а затем спокойно добавил:

— Да брось. Само тело из белого шоколада. Если съедем его целиком, одежда все равно не понадобится.

— И-и-их... — жалобно пискнула девица.

От такого кощунства ее голова с сухим треском отвалилась от плеч, выпала из рамки и покатилась по ковру. Юэ Цзиньтань небрежно выставил носок ботинка, останавливая ее движение.

Голова покатилась на бок, зловеще ухмыльнулась и попыталась вцепиться зубами в его щиколотку. Но Юэ Цзиньтань легким пинком поддел черепную коробку — верхушка отлетела, и наружу густо потекла белоснежная пенистая жижа.

Парень нагнулся, поднял остатки головы и, зачерпнув пальцем немного белой массы, протянул Цзин У:

— Сливки. Хочешь?

— Ну ты и сладкоежка, — скривился Цзин У, брезгливо пятясь. — Нет уж, уволь. Не буду я это есть.

— Любителям острого легко заработать геморрой, — парировал Юэ Цзиньтань, выразительно покосившись на нижнюю половину туловища собеседника.

— А от сладкого толстеют, покрываются прыщами и быстро стареют! — не остался в долгу Цзин У, с вызовом заглядывая ему в глаза.

Юэ Цзиньтань промолчал. Вместо ответа он вновь приподнял край футболки, демонстрируя безупречный рельеф пресса и тонкую талию.

— Похож на жирдяя?

— Глоть...

Цзин У с трудом сглотнул слюну и поспешно отвернулся:

— Излишняя худоба тоже не красит. Кости одни, ухватиться не за что.

— Мой сценарий запустится, только когда мы уснем. Может, приляжем? — предложил Юэ Цзиньтань, бросив взгляд на пустую кровать после того, как с шоколадным призраком было покончено.

Цзин У мгновенно напрягся, сделав шаг назад:

— Ложиться? С какой это стати? Что ты задумал?

— А что я могу задумать? — с предельно честным видом пожал плечами Юэ Цзиньтань.

Но стоило Цзин У облегченно выдохнуть и подойти к постели, как парень бесшумно скользнул к нему со спины и жарко прошептал на самое ухо:

— Пошалим?

Цзин У замер на месте, его глаза округлились.

Юэ Цзиньтань искусителем продолжал нашептывать:

— Бабуля, покажи мне свои скрытые таланты, о которых так хвасталась.

Цзин У почувствовал глубокую тоску.

«Ты изменился. Где тот стеснительный милашка, который краснел от пары двусмысленных фраз? Какой теперь во всем этом интерес...»

— Бабушке нужен покой и здоровый сон, — степенно проскрипел Цзин У. — А ты, внучок, будь добр, ступай на диван. Не стесняй старушку.

Юэ Цзиньтань заботливо расправил одеяло, приглашающе похлопал по подушке и сам лег у противоположного края:

— Ну что вы, бабуля. Я должен караулить ваш сон, вдруг среди ночи одеяло скинете и простудитесь.

— Старая-то я старая, но из ума еще не выжила, — проворчал Цзин У.

Однако спорить на чужой территории было бесполезно — это пространство подчинялось правилам Юэ Цзиньтаня. Видя, что тот не собирается уходить, Цзин У помялся у края постели и нехотя лег рядом.

«В конце концов, сейчас я выгляжу как дряхлая карга. Каким бы извращенцем он ни был, вряд ли у него поднимется рука на пожилую женщину».

Утешив себя этой мыслью, Цзин У закрыл глаза и мгновенно расслабился.

Слушая, как выравнивается дыхание соседа, и глядя на демонстративно оставленный между ними зазор, Юэ Цзиньтань невольно улыбнулся.

Поначалу этот загадочный красавец-отельер казался ему прожженным ловеласом, но со временем стало ясно: парень горазд только болтать. Стоило делу принять серьезный оборот, как грозный обольститель трусливо давал деру.

Но эта черта характера делала его на удивление... милым. Губы Юэ Цзиньтаня сами собой расплылись в улыбке. Он принялся разглядывать лицо спящего Цзин У под слоем старушечьего грима — зрелище выходило невероятно комичным.

Настоящий рост Цзин У был куда выше, чем у созданного им образа. Перед Се Фзем он усердно горбился и подгибал колени, чтобы казаться хрупкой старушкой. Но здесь, рядом с Юэ Цзиньтанем, он со временем расслабился — то ли от привычки и доверия, то ли просто плюнув на конспирацию. В итоге перед парнем предстала весьма рослая и статная "бабушка".

Юэ Цзиньтаню хотелось верить, что дело именно в доверии. Во сне Цзин У беспокойно повернул голову, отчего край его седого парика съехал набок, обнажая собственные темные волосы. Парень потянулся вперед, желая бережно поправить маскировку.

Но едва кончики пальцев коснулись кожи, Цзин У резко распахнул глаза и перехватил его руку:

— Ты что творишь?!

«Среди ночи распускать руки, пока я сплю! Вот кто тут настоящий извращенный тип!»

Заметив испуганный взгляд Цзин У, Юэ Цзиньтань внезапно решил подыграть его

подозрениям. Он ловко перекатился и навис над ним, удерживая за плечи:

— Делаю то, что обещал. Шалю.

Цзин У среагировал мгновенно — резко вскинул колено, метя прямо в пах обидчику:

— Ах ты паршивец! На собственную бабушку позарился! Выродок!

Юэ Цзиньтань чудом успел уклониться, откатившись в сторону. По спине пробежал холодный пот.

«Ну и дикарь! Чуть кастратом не сделал!»

Цзин У мгновенно соскочил с постели и уставился на него с праведным гневом:

— Мерзавец! Богохульник! То есть... неблагодарный внук!

Терпение Юэ Цзиньтаня истощилось. Мягкость во взоре сменилась ледяным холодом. Опустив ноги на пол, он медленно поднялся. Его пальцы опасно дрогнули.

— Что ж, раз я грешник, придется соответствовать, — глухо произнес он, делая шаг к Цзин У. От его фигуры повеяло тяжелой, подавляющей аурой.

Цзин У воинственно засучил рукава кофты:

— Ну давай, попробуй! Думаешь, бабушка испугалась сопляка?!

Они сошлись врукопашную. Драка закипела нешуточная: они тузили друг друга стоя, врезались в стены, пока Цзин У подножкой не увлек обоих на ковер. Силы и габариты противников были практически равны, так что схватка быстро превратилась в глухую позиционную борьбу, где никто не мог взять верх.

— Тихо, погоди! — выдохнул Цзин У, прижатый к полу. Он замер и напряг слух. — Слышишь?

— Что там? — Юэ Цзиньтань ослабил хватку, прислушиваясь к тишине комнаты. Неужели проснулась новая нечисть?

Пока напарник отвлекся, Цзин У резко выкинул кулак снизу вверх, угодив ему точно в челюсть.

Бум!

Юэ Цзиньтань со стоном схватился за подбородок, а коварный отельер разразился победным хохотом:

— Твой собственный вопль боли, ха-ха-ха!

Разъяренный Юэ Цзиньтань навалился на него с утроенной силой, обрушив град ударов на заливающегося смехом наглеца. Лишенный возможности нормально защищаться, Цзин У только кряхтел и уворачивался.

— Свой, стой! Слышишь?! — Цзин У едва успел перехватить его руку возле своего лица. Заметив скептический взгляд противника, он торопливо добавил: — На этот раз я серьезно! Правда!

Юэ Цзиньтань не поверил ни единому слову. Навалившись на него всем весом и блокируя движения, он на мгновение замер.

— Ничего не слышу.

Бум!

Цзин У с силой дослал колено вверх. Удар пришелся точно между ног Юэ Цзиньтаня. Парень мгновенно побледнел, со стоном скрючился и откатился в сторону.

Цзин У победоносно вскочил на ноги, потирая руки:

— А это был звук лопающихся яиц! Ха-ха!

Но Юэ Цзиньтань был крепким орешком. Превозмогая адскую боль, ведомый лишь жадой мести, он рванулся вперед и вновь подмял обидчика под себя, выбивая из него всю дурь.

Обычные тумачи его больше не устраивали — он твердо вознамерился вернуть должок в стократном размере.

Не успели они сделать и пары кувырков по полу, как Цзин У снова завопил:

— Да подожди ты! Слышишь?!

Юэ Цзиньтань даже рассмеялся от злости. Ну надо же, этот паршивец пытается провести его одним и тем же трюком в третий раз! За кого он его принимает?

— Слышу, — процедил он сквозь зубы, методично нанося удары. — Слышу, как ты сейчас взвоешь о пощаде!

— Да нет же, клянусь! На этот раз правда! — кричал Цзин У, пытаясь закрыться руками. Но Юэ Цзиньтань лишь удваивал напор, заставляя его жалобно кряхтеть.

Вдруг из темноты под кроватями раздалось отчетливое, злое шипение. Юэ Цзиньтань замер, осознав: в этот раз его не обманули.

Оба одновременно повернули головы. В процессе потасовки они откатились к самому краю постели. Прямо под каркасом кровати, плотно прижавшись спиной к ламелям, висело бледное женское тело.

Их взгляды встретились.

— Ого, классика! — присвистнул Цзин У. — Дух под кроватью, как по учебнику!

Рот призрака был наглухо зашит грубыми черными нитками, сквозь которые прорывалось лишь яростное сипение. Поняв, что эти двое слишком заняты дракой друг с другом и не обращают на нее внимания, тварь взбесилась и резко выскользнула из своего укрытия, выставив вперед когтистые лапы.

Юэ Цзиньтань среагировал мгновенно: перекатился набок и без тени сомнения толкнул Цзин У ногой прямо навстречу нападающему монстру.

Тот не успел увернуться и влетел лицом прямо в объятия чудовища, тут же содрогнувшись от отвращения.

— Фу, какая гадость! Она же липкая! — Цзин У забился в чужих руках. Первым его чувством был вовсе не страх, а глубокое отвращение к вязкой слизи, покрывавшей существо.

Видя мучения босса, Юэ Цзиньтань наконец почувствовал себя оттомщенным. Душа его наполнилась умиротворением.

— Призрак из мастики. Немного подтаял от жары.

— Тьфу ты! — скривился Цзин У. — Пожилым вредно сладкое! Внучок, помоги бабуле снять с себя этот сироп!

— Ну уж нет, — Юэ Цзиньтань поудобнее устроился на полу, скрестив руки на груди и с интересом наблюдая за его возней. — У бабушки слишком острый язык, пусть немного подсластит его.

— Да ты и сам сладкое ведрами жрешь, а вежливости ни на грош не прибавилось! — огрызнулся Цзин У.

— Откуда тебе знать? Ты ведь меня еще не пробовал.

— Ну так дай попробовать, раз такой смелый!

— Попробуй, кто тебе мешает.

Один развлекался, наблюдая за зрелищем свысока, второй — отчаянно барахтался на ковре, пытаясь отодрать от себя липкую массу. Юэ Цзиньтань явно одержал верх как в физическом противостоянии, так и в словесной дуэли.

Поняв, что спорить бесполезно, Цзин У злобно зыркнул на него и вернулся к насущным делам. С каждым движением его отчаяние росло: сладкая масса намертво прилипала к телу.

Оказалось, этот призрак состоял из множества слоев кондитерской мастики. Стоило снять верхний «одежный» слой, как под ним обнаруживался следующий, такой же липкий и приторный. Сладкая грязь мгновенно покрыла его ладони, лицо и забилась в парик.

Больше всего на свете Цзин У ненавидел дурацкие шутки с размазыванием праздничного торта по лицу. А тут его буквально искупали в сахарном сиропе с ног до головы. Он был на грани безумия.

Вдобавок ко всему, Призрак из мастики оказался на удивление живучим: он непрерывно тянул к его шее липкие пальцы и пытался задушить собственными волосами. Цзин У готов был завывать от бессильной злобы, мечтая утащить Юэ Цзиньтаня за собой в этот сладкий ад.

Полюбовавшись его страданиями еще немного, Юэ Цзиньтань наконец сжалился и шагнул ближе.

— Снимай кофту.

— Это еще зачем? — Цзин У посмотрел на него с подозрением. Неужели этот святоша решил воспользоваться его беспомощностью?

Шлеп!

Юэ Цзиньтань несильно отвесил ему подзатыльник.

— Выбрось эту пошлость из головы.

Игнорируя вялое сопротивление, он уверенным движением стянул с Цзин У дурацкую старушечью блузу, к которой намертво прилипла большая часть Призрака из мастики, и бесцеремонно швырнул этот комок обратно под кровать.

Оставшись без верха, Цзин У поспешно обхватил себя руками за плечи и истошно завопил:

— А-а-а! Моя честь растоптана! Меня раздели и обесчестили! Помогите!

Юэ Цзиньтань окинул его придирчивым взглядом:

— Кожа да кости. Тоже мне, девица на выданье.

Цзин У мгновенно опустил руки и выпрямился во весь рост:

— Кто тут костлявый? У меня, между прочим, тоже пресс есть!

Юэ Цзиньтань устало вздохнул:

— Бабуля, вы вообще помните, какого вы пола?

— Ошибочка вышла, я ее любимый внук, — без тени смущения выкрутился Цзин У.

— Ладно. В моем шкафу лежит рюкзак, там есть сменная одежда, — со вздохом произнес Юэ Цзиньтань, поймав себя на мысли, что уже начинает привыкать к странностям этого сумасшедшего босса.

Цзин У дважды предлагать не пришлось. Сбросив напускное смущение, он подошел к шкафу и принялся шуршать вещами.

Юэ Цзиньтань невольно залюбовался его силуэтом.

Цзин У действительно казался излишне худым, а его кожа отливала нездоровой бледностью. Несмотря на выдающиеся физические показатели, обретенные за годы выживания в игре, его реальное тело три года пролежало в коме на больничной койке. Система вернула ему тонус, но лишенная солнечного света кожа так и осталась алебастрово-белой.

В профиль его фигура казалась тонкой, почти прозрачной, словно лист дорогой бумаги. Но в этой хрупкости сквозила удивительная сила и изящество — он напоминал статуэтку из горного хрусталя, манящую своей чистотой и уязвимостью.

Юэ Цзиньтань почувствовал глухое, неосознанное желание сделать шаг вперед и крепко

обнять его, укрывая от всего мира.

Цзин У повернулся спиной. В полумраке четко проступили изящные очертания лопаток, плавная линия позвоночника и едва заметные впадинки на пояснице — те самые «ямочки Венеры», которые поэты исстари именовали глазами чувственности.

Раньше Юэ Цзиньтань лишь скептически усмехался, слыша подобные восторги. Но сейчас, глядя на спину Цзин У, он впервые осознал истинную силу этой мистической красоты.

Юэ Цзиньтань почувствовал, как к щекам приливает тепло.

«Должно быть, в этих ямочках действительно сокрыт нектар самой богини любви. Иначе почему от одного лишь взгляда кружится голова, будто после крепкого вина?..»

С трудом отведя взгляд, он глубоко вздохнул.

Цзин У, увлеченный поисками, ничего не заметил. В глубине шкафа его ждала новая неожиданная встреча: прямо на полках сидел маленький угольно-черный чертенок.

Перепугался Цзин У вовсе не из-за грозного вида монстра. Просто эта мелочь тоже оказалась липкой и сладкой на вид. Если этот сироп попадет на голую кожу, мытья в душе точно не избежать. А ну как вместо воды из лейки хлынет карамель или растопленный шоколад? Уж лучше сразу пойти и утопиться в море.

Заметив замешательство напарника, Юэ Цзиньтань мгновенно разгадал причину его нерешительности. В этот раз он решил взять инициативу в свои руки.

И дело было вовсе не в проснувшемся великодушии. Просто Юэ Цзиньтань всерьез опасался, что если Цзин У продолжит рассказывать перед ним полуобнаженным, его собственное самообладание окончательно даст трещину.

Благодаря этой негласной взаимовыручке лед между ними окончательно растаял. До самого рассвета они действовали как единый слаженный механизм, зачищая комнату от наводнивших ее кулинарных кошмаров.

Они упокоили Призрака из мастики в красном у двери, вымели из шкафа призрака торта «Черный лес», вытащили из экрана телевизора зефирную Садако, содрали с потолка призрачного пупса из теста, отловили вылезающее из тумбочки желе «Кошачья лапка» и даже спровадили обратно на кухню пиццу с дурианом, которая посреди ночи пыталась заботливо укрыть их одеялом.

— Ну у тебя и вкусы, конечно, — покачал головой Цзин У, когда с последним монстром было покончено. Будучи убежденным ценителем острого, за эту ночь он узнал о кондитерском

искусстве гораздо больше, чем за всю прошлую жизнь.

Кто бы мог подумать, что этот вечно серьезный, холодный парень окажется таким неисправимым сладкоежкой, собравшим в своем кошмаре лучшие десерты со всего света.

За окном забрезжил рассвет.

Цзин У вновь ощутил знакомое чувство падения в бездну. Уплывая в реальность, он не упустил случая напоследок подмигнуть напарнику:

— А ты у нас, оказывается, тот еще сладкий пирожок.

— До тебя мне далеко, — негромко рассмеялся Юэ Цзиньтань.

В этот миг он искренне порадовался безумной затее Цзин У.

«Если бы этот сон мог продлиться еще немного... Совсем чуть-чуть».

Резко вынырнув из забытья, Юэ Цзиньтань распахнул глаза. Пламя свечи перед ним слабо дрогнуло. Не тратя времени на осмотр стола, он первым же делом повернул голову к соседу.

Они вновь сидели в конференц-зале. На Цзин У красовалось все то же старушечье тряпье, а лицо скрывал плотный грим. Юэ Цзиньтань облегченно перевел дух.

Заметив его взгляд, Цзин У мгновенно вошел в роль: кокетливо прижал ладони к щекам и жеманно протянул:

— Ну что за глупости, какой еще пирожок... Зови меня просто «моя прелесть»!

Юэ Цзиньтань не удержался от улыбки и послушно подыграл ему:

— Как скажешь, прелесть.

Остальные присутствующие за круглым столом онемели от шока. Что, черт возьми, сейчас произошло у них на глазах?!

«Книга кошмаров» бесшумно скользнула обратно в руки Се Фэя. Тот торопливо пролистал свежие страницы и замер, вчитываясь в подробный отчет о ночных приключениях этой парочки.

Лицо Се Фэя за секунду сменило десяток оттенков — позавидовал бы любой мастер традиционной китайской оперы.

«Да они издеваются... Они что, серьезно?!»

«И вообще, что это за бред?! Какого черта я своими руками помог этим двум бесстыдникам сблизиться?!»

<http://bllate.org/book/20146/2149149>